

А. Н. Рылева

Восемнадцать шагов

Аннотация: статья посвящена В.Л. Рабиновичу. Вадим Львович Рабинович (1935, Киев – 2013, Москва) – советский и российский философ, культуролог, поэт и прозаик, литературовед, переводчик. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2006). Медаль Галилея Международной академии наук в Париже (1979), Синяя лента Софийского университета им. Св. Климента Охридского (1988). Окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева (1959) и Литературный институт им. А.М. Горького (1967). Член Союза писателей СССР (1979). Кандидат химических наук («Исследование некоторых окислительных превращений пропана на смешанных полифункциональных катализаторах», 1967), доктор философских наук («Проблема исторической реконструкции донаучных форм знания», 1986), профессор. Член Исполкома Международного ПЕН-клуба и Русского ПЕН-центра. Автор книг «Алхимия как феномен средневековой культуры» (1979), «Образ мира в зеркале алхимии: от стихий и атомов древних до элементов Бойля» (1981), «Исповедь книгогоя, который учил букве, а укреплял дух» (1991), «Человек в культуре. Введение в метафорическую антропологию» (2008), «Имитафоры Рабиновича, или Небесный закройщик» (2010), «Поэтологические штудии» (2012), «Алхимия» (2012), «Полдень Средневековья» (2013), поэтических сборников «В каждом дереве скрипка» (1978), «Фиолетовый грач» (1988), «Двадцать один сюжет для жалейки, эха и бубенца» (1995), «Синица ока» (2008), «Сто стихотворений» (2013). Главный редактор и один из составителей сборников руководимого им сектора «Языки культур» Российского института культурологии под общим названием «Языки культур»; всего их вышло три с подзаголовками: «Взаимодействия» (2002), «Образ–понятие–образ» (2009), «В домике НАИва» (2012); председатель редакционного совета задуманных и только частично осуществленных «Берсенеvских коллекций» (2012).

Review: The present article is devoted to Vadim Rabinovich. Vadim Rabinovich (was born in 1935 in Kiev and died in 2013 in Moscow) was a Soviet and Russian philosopher, cultural researcher, poet and author, literary expert and translator. He became an honored scientist of the Russian Federation in 2006 and was awarded the Galileo Medal by International Academy of Sciences in Paris (1979), the Blue Ribbon of St. Clement of Ohrid University of Sofia (1988). Vadim Rabinovich graduated from D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (1959) and Maksim Gorky Literary Institute (1967). He also was the member of the Union of Writers (1979) and had a PH degree in chemistry, doctor of philosophy, professor, member of the Executive Committee at International PEN-Club and Russian PEN-Center. Vadim Rabinovich was the author of the books 'Alchemy as the Phenomenon of Medieval Culture' (1979), 'Image of World in the Mirror of Alchemy: from Natural Elements and Atoms of the Ancient Times to Boyle Elements' (1981), 'Confession of a Booklover who Taught Letters but Consolidated Spirits' (1991), 'Human in Culture. Introduction to metaphorical Anthropology' (2008), 'Imitaphores of Rabinovich or Heavenly Cutter' (2010), 'Poetological Studies' (2012), 'Alchemy' (2012), 'Noon of Middle Ages' (2013) and collections of verses 'A Violin in Every Tree' (1978), 'Purple Rook' (1988), 'Twenty One Plots for Zhaleyka, Echo and Jingle Bells' (1995), 'The Tit of the Eye' (2008), 'One Hundred Poems' (2013). He was the editor-in-chief and one of the authors of selected works published by the Department of Languages of Culture at Russian Institute for Cultural Research. The series was called 'Languages of Cultures' and there were three of them called 'Interaction' (2002), 'Image – Concept – Image' (2009), 'In a House of NAI' (2012). He was also the Chairman of the Editorial Board of the 'Bersenevsky Collections' (2012).

Ключевые слова: культурология, Вадим Львович Рабинович, философия культуры, история культуры, метафорическая антропология, языки культур, алхимия, имитафоры, поэзия, стихи..

Keywords: cultural research, Vadim Rabinovich, philosophy of culture, history of culture, metaphoric anthropology, languages of cultures, alchemy, imitaphores, poetry, poems.

21 сентября 2013 года, под проливным дождем, мы хоронили Вадима Львовича Рабиновича. Казалось, он пошутил, чудилось, что он встанет, улыбнется и расскажет один из своих знаменитых анекдотов про умер-шмумер. Но он не встал. Он действительно умер...

Достаточно отсчитать восемнадцать шагов –
Через дорогу, –
Как вы попадаете
Из девятнадцатого роддома
На Немецкое кладбище –
С тильной его стороны.
Вадим Рабинович

Как вызволить из темени небытия того, кто ушел? Ушел только-только. Когда тепло от рукопожатия ушедшего еще облекает наши ладони, улыбка еще искрит радужку наших глаз, а возражающий голос ушедшего разума окликает ответную реплику, готовую безответно слететь с уст живых.

Вадим Рабинович

Вадим Львович Рабинович (1935, Киев – 2013, Москва) – советский и российский философ, культуролог, поэт и прозаик, литературовед, переводчик. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2006). Медаль Галилея Международной академии наук в Париже (1979), Синяя лента Софийского университета им. Св. Климента Охридского (1988). Окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева (1959) и Литературный институт им. А.М. Горького (1967). Член Союза писателей СССР (1979). Кандидат химических наук («Исследование некоторых окислительных превращений пропана на смешанных полифункциональных катализаторах», 1967), доктор философских наук («Проблема исторической реконструкции донаучных форм знания», 1986), профессор. Член Исполкома Международного ПЕН-клуба и Русского ПЕН-центра. Автор книг «Алхимия как феномен средневековой культуры» (1979), «Образ мира в зеркале алхимии: от стихий и атомов древних до элементов Бойля» (1981), «Исповедь книгочех, который учил букве, а укреплял дух» (1991), «Человек в культуре. Введение в метафорическую антропологию» (2008), «Имитаторы Рабиновича, или Небесный закройщик» (2010), «Поэтологическиештудии» (2012), «Алхимия» (2012), «Полдень Средневековья» (2013), поэтических сборников «В каждом дереве скрипка» (1978), «Фиолетовый грач» (1988), «Двадцать один сюжет для жалейки, эха и бубенца» (1995), «Синица ока» (2008), «Сто стихотворений» (2013). Главный редактор и один из составителей сборников руководимого им сектора «Языки культуры» Российского института культурологии под общим названием «Языки культур», всего их вышло три с подзаголовками: «Взаимодействия» (2002), «Образ—понятие—образ» (2009), «В домике НАИ-ва» (2012); председатель редакционного совета задуманных и только частично осуществленных «Берсеневских коллекций» (2012).

ВАДИМ РАБИНОВИЧ: «Я, Вадим Рабинович, родился в Киеве, на Днепре. Мать Валентина и отец Лев – врачи. Отец погиб на большой войне, и вот уже более 20 лет как не жива мать.

Раннее мое детство прошло в Украине, школьная пора – в Сызрани, на Волге; юность – в Москве, где и выучился на инженера в Химико-технологическом институте им. Менделеева; а молодость миновалась в Данкове, на химическом заводе и в шелестящей тиши провинциальной вменяемости.

Днепр, Волга, Дон...

С 1962 года снова в Москве, в академической науке: первые 5 лет все еще в химии, а после пошли алхимические штудии и всяческие любомудрия исторического и философского свойства. Продолжилось и стихотворчество, взвихренное любовью и подхлестнутое честолюбивой соревновательностью в Литературном институте им. Горького.

По ходу складывающейся жизни был: сельскохозяйственным рабочим на казахстанской целине, аппаратчиком на Дорогомиловском химическом заводе, просеивальщиком сажки и прессовщиком на заводе «Каучук», лаборантом в Институте горючих ископаемых, корректором газеты «Менделеевец», рефератором в Реферативном журнале «Химия», солдатом и младшим лейтенантом в химических войсках в Старых дорогах, журналистом Центрального телевидения, редактором издательства «Наука», руководителем литературного объединения в Московском институте химического машиностроения, лектором Общества «Знание», преподавателем химии в Текстильном институте, отвечал на письма в «Литературной России»...

Учители: Илья Львович Сельвинский и Владимир Соломонович Библер. Вызволили из беды Бонифатий Михайлович Кедров и Иван Тимофеевич Фролов. Есть друзья, но и недруги. Ученики и последователи тоже есть. Не всех знаю, но чую, что продолжается что-то...

Сын Максим и Клавдия дочь.

Человек в культуре... Открытый и сокровенный, магистральный и периферийный, элитарный и фольклорный, традиционный и авангардный... В пророческом, проповедническом, исповедальном, молитвенном, заклинательном слове. В слове видения и в слове заповеди. В тайнописи. В слове Поэта, во внутренней речи, в молчании... На границах... В Европе и в России, в средние века и в XX веке. В Любви и у последней черты... Евангелист Иоанн, Августин, Алкуин, Абельяр, святой Франциск, Роджер Бэкон, Раймонд Луллий, Альберт Великий, Уильям Ленгленд, Данте, Петрарка, Агрикола, Кардано... Иван Барков, Хлебников, поэты Серебряного века... Все они – давние и неизменные герои моих академических интерпретаций-реконструкций и университетских элоквенций. Опубликовал более 500 разножанровых прозаических текстов и примерно столько же стихотворных. Среди них: изобретения, монографические

сочинения, статьи, книги стихотворений, переводы, публицистика, антологии...Свыше 70 переведены на западные и восточные языки. Награды: Медаль Галилея Международной академии наук в Париже, Синяя лента Софийского университета им. Климента Охридского.

Медиевистские исследования, изучение проблем русского авангарда, исследования в области исторической культурологии, истории и философии культуры, теории познания, философской антропологии – круг моих научных интересов.

Кто я сейчас? – заведующий сектором «Языки культур» Российского института культурологии; профессор философского факультета Московского государственного университета имени Ломоносова; доктор философских наук, кандидат химических наук; член редколлегии «Рефлексивные процессы и управление» и «Газеты ПОэзия»; член Союза российских писателей, член Международного Пен-клуба и Русского Пен-центра...

Главный мой научный интерес за последние 10 лет – исследования в области русского книжного и поэтического авангарда (футуризма).

Об «Алхимии» Рабиновича

Бестселлер «Алхимия как феномен средневековой культуры» был опубликован в издательстве «Наука» в 1979, переиздан в издательстве Ивана Лимбаха в 2012 году с новыми иллюстрациями, биографическими дополнениями и – чем Вадим Львович особенно был доволен -- историей рождения замысла, рецензирования, прохождения в издательстве «Алхимии». Пока книга готовилась, у Вадима Львовича в сентябре 2011 года родилось стихотворение «Трансмутация зайца». Он поместил его в самом начале книги:

Осталось вовсе ничего,
Нисколько не осталось.
Стою один на пятачке,
Как заяц заполошный.

В окружье полая вода,
А пятачок ледовый,
И с каждой новой волной
Он тает, тает, тает...

«С большим интересом ознакомился я со статьей В.Л. Рабиновича «Алхимия как феномен культуры» («Природа» 9.73 и 10. 73). Автор развивает в ней совершенно оригинальную и глубокую концепцию алхимии как своеобразного и очень существенного явления человеческой культуры в отличие от неверных и примитивных, но до сих пор еще бытующих в науке, представлений об алхимии. С нетерпением буду ожидать опу-

бликования книги В.Л. Рабиновича с подробным развитием его концепции.»

Михаил Бахтин

«Не будучи ни в какой мере специалистом по истории средневековой науки и философии, я недавно ознакомился с работой В.Л. Рабиновича «Алхимия, как феномен культуры» и был, скажу прямо, поражен ее высокими научными и литературными достоинствами. Труд этот бесспорно принадлежит к числу тех, которые открывают для читателя новый и неведомый ему мир своеобразной культуры и своеобразного стиля научного мышления... Превосходно знакомый с первоисточниками и с уже довольно обширной в настоящее время специальной исторической литературой, автор уверенно и мастерски очерчивает проблематику алхимии, связь алхимии с другими философскими науками средневековья и с самой средневековой философией. Одно из замечательных достоинств труда В.Л. Рабиновича – никогда не переходящая в многословие обстоятельность, дифференцированность, конкретность его характеристик и анализов, а также обоснованность ответственных выводов. Я с нетерпением буду ожидать опубликования книги В.Л. Рабиновича и предрекаю ей вполне ею заслуженный и для меня совершенно несомненный успех у читателя, притом не только у ученых специалистов. Этому успеху должен способствовать хороший литературный язык сочинения. Было бы крайне желательно, если бы издательство, которому будет поручен выпуск книги в свет, использовало богатый материал иллюстраций, которыми располагает автор. Некоторые из них редко встречаются даже в специальной литературе».

Валентин Асмус

«Перед нами серьезное и вполне достойное присуждения ее автору искомой степени исследование. Во многом оно прокладывает новые пути понимания средневековой культуры вообще, которые могут и должны быть учтены и использованы не только в изучении средневековой науки, но также в исследованиях средневековых литератур и искусств. Главное в том, что алхимия рассматривается не как «предхимия», а как целостное явление, как единый феномен средневековой культуры. Отсюда целый ряд новых выводов, новый подход, новая точка зрения, перестраивающая наши представления о средневековой науке»...

Дмитрий Лихачев

«Вряд ли кто из современных литераторов может написать тома об алхимии и о раннем

европейском средневековье. В тихом омуте водятся черти. Какие безумства и черти в тихом взгляде поэта! Вот я вижу, как он по-кутузовски спит в президиумах поэтических вечеров. Да и что делать, если качество читаемых стихов располагает ко сну?! Не будем отрывать его от блаженного состояния полусна или полужизни, в которой мы живем, в предвкушении грёз, которые он обязательно запишет.»

Андрей Вознесенский

«Какое счастье такая свобода! О, никто не знает, насколько свободен Рабинович! Никто не знает, насколько вообще свободен еврей, потому что это единственный его секрет. Он может не только любить Россию, но и изучать ее, познавая что угодно, хоть химию, хоть алхимию. Познавать. То есть жить. Никто не знает, насколько свободен человек! Особенно Власть об этом без понятия. Она способна только портить жизнь. Только в древнегреческом и латыни она не могла учесть антисоветчины. Вот наконец и разгадка, которая раскрывается только в тексте; вот секрет столь неожиданного успеха Аверинцева и Гаспарова, Комы Иванова и Рабиновича Лосев уже свое отсидел): мертвые языки не врут, они уже не могут меняться. Ишь, еврей! вздумали сделать свой мертвый язык живым».

Андрей Битов

Конечно, главным в творчестве В.Л. Рабиновича является понимание культуры, к которому он шел постепенно: «А что такое культура? Культура – это все. Даже космические объекты. В той мере, в какой они названы. Я вышел на пленэр – солнце сияет, снежок лежит сверкающий, я вышел рано – и что мне вспоминается как человеку, живущему в России и читавшему Пушкина? “Мороз и солнце; день чудесный!” А Луису Сенгору из Сенегала вспомнится что-нибудь негритянское, африканское, этакое. Вот как привносится национальное в поэзию! Поэзия космична и демиургична, поскольку всегда при Начале»¹.

Обратим внимание на два утверждения: культура – это все, что названо, а по-настоящему названо может быть только поэтом (!).

Из такого понимания культуры проистекают и все прочие интенции В.Р.

Он предложил изящную, артеактно-артефактную схему культурологии: культура в сущностных своих характеристиках исторична и креативна – творяща (артеакт). Как, впрочем, и субъект культуры, который историчен сам по себе, хотя бы пото-

му, что когда-то родился и когда-то умрет, и тем самым свершит свою историю. Собственно, это и делает культуру культурой – творением артефактов, исторически первородных и уникальных навсегда. Но не менее важны, по В.Р., консервационные чаяния артефактов культуры, должных внешне оставаться равными самим себе.

По Рабиновичу концептуальное ядро исследовательского видения культуры – танатологическая (точнее виталогическая) проблематика, составляющая одно из важнейших направлений гуманитарного знания.

Быть в культуре в качестве ее деятельного субъекта означает непрестанно отвечать (пытаться ответить) на вопрос: как свою конечную жизнь приобщить к вечности, явить себя в ней.

Каждый такой опыт неповторим и не сводим к другому. Если понимать субъект культуры расширительно, то им может быть не только отдельный человек, но и нация, народ, страна... культурно-историческая эпоха;

И тогда человек в момент высшего сосредоточения всех своих жизненных сил в перспективе смертного мига должен быть понят как формообразователь культуры, гармонизирующий предкультурный хаос в творческом акте созидания – в про-из-ведении.

Но произведение окаменеет в тексте (вместе со своим историческим автором), умирает... Вторую жизнь (много жизней) ему дает читатель (много читателей), вновь возвращая текст в предкультурное, предтворческое его состояние, и, тем самым, становится как бы со-автором исторического автора. Оживает... текст и его автор, текст и его читатель (он же теперь и со-автор);

Специфика культурологии В.Р. определена не столько предметом (им может быть любой продукт человеческой деятельности, как, впрочем, и сама деятельность), сколько особым взглядом на предмет, особой стратегией гуманитарного исследования. И преподавания тоже. Выйти из себя, но и остаться собою, равным самому себе. Таков предмет культуры в его историческом, но и сиюминутном бытовании. Отсюда следует, что культурология двухчастна, точнее, двухполюсна. С одной стороны, это историческая культурология (культура как творчество, культура как диалог культур, типология культур, реконструкции образов культуры). С другой – консервационная культурология (музееведение, охрана, консервация и реставрация историко-культурных объектов-образцов). Просто и функционально, снимает все противоречия предыдущих определений (их сейчас насчитывают около 300, если не ошибаюсь).

¹ Рылева А.Н. Наука Рабиновича // Культурологический журнал. [Электронный документ] http://www.cr-journal.ru/rus/journals/13.html&j_id=2.22.09.2013.

В русле этих размышлений В.Р. развивает свою *метафорическую антропологию*, основным концептом которой является *имитафора* (с одной стороны, она указывает на имитацию, с другой – на метафору). Его идеи творящей культуры и имитафоры удивительным образом «уложились» в систему (иначе не назовешь) научных открытий, которые буквально за пять последних лет перевернули (или должны были перевернуть) представления культурологов. Получается, что В.Р. интуитивно понял и сделал ставку на основной механизм рече- (а стало быть, и культуро-) порождения – метафору. И правильно сделал, как выясняется. Позволим себе сформулировать главную идею золотоделателя В.Р.: человек порождает культуру, а культура – человека. Как видим, абсолютно взаимовыгодный процесс!

Вот как объясняет природу имитафоры В.Р. в одном из своих многочисленных интервью: «Когда я размышлял о природе культуры (а культура, по моему мнению, это все, чему дано имя, а чему не дано имя, того и не существует), то я представлял себе культуру, повернутой назад в прошлое, и в этом смысле она – имитационное дело, и – обращенной в будущее, то есть здесь она предстает как дело метафорическое. Потому что метафора по-гречески – это всего-навсего тележка, повозка, которая переносит смысл сказанного из одной точки в другую, и этот смысл в другой точке поворачивается иным своим значением и поэтому не является тем же смыслом, который у него был раньше. Он то же, да не то же. А имитационная часть – это традиционная часть, метафорическая же – инновационная. И культура обращена как в прошлое, так и в будущее – она вся в топике припоминания и вся в утопическом предвидении, хотя представляет собой настоящее мгновение, миг, а миг, он равен вечности. Поэтому когда я создал термин “имитафора”, я тем самым подчеркнул два противоположных направления – имитационное и инновационное. Метафора и имитация. Или – традиция и новаторство, говоря тухлым языком современных литературоведов»²¹.

Отдельное место в творчестве В.Р. занимали исследования в области русского поэтического и книжного авангарда, так как он считал, что это одна из точек, где воочию видно, как рождается культура. Особое внимание он уделял издательскому эксперименту Велимира Хлебникова и Алексея Крученых – они издавали маленькие, рукописные книжечки. Их разрисовывали замечательные художники: Гончарова, Ларионов, Малевич, Розанова и другие. Издавались эти книжки очень небольшими, несколько десятков экземпляров, тиража-

²¹ На данный момент вечности или Прогулки с Рабиновичем : интервью / беседа. Ю. Беликов // Дети Ра. 2010. № 3 (65).

ми, словно бы возвращаясь к средневековой рукописной манускриптной книге. Неудивительно, что В.Р. уловил эту волшебную связь между русскими будетлянами (Хлебников – Крученых) и средневековым – русским и европейским. Более того, когда он обратился к русской поэзии XVIII века, точнее, к Тредиаковскому, он уловил в его силлабическом и в их кубофутуристическом проекте некие абракадабры... На самом деле это не абракадабры, а поиск первослова, возврат к началу, к сотворению мира номер 2 (В.Р. считал, что мир культуры сотворен человеком – это мир № 2, созданный в Седьмой день культуры, а Бог сотворил мир №1 в оставшиеся шесть). В.Р. понял, что эти поэты, шли к созданию звукобуквовидов (как он это называет) обращали читателя к началу русской речи, к первому слову, протестуя таким образом против символистской гладкописи.

Поэзия для В.Р. – это его алхимическая лаборатория. У него был обычай завершать свои научные выступления стихами, которые (!) складываются практически параллельно и в унисон научному докладу. Эти стихи некоторые считают дополнением к докладу или статье, в то время как они являются главной составляющей его творческого метода.

МОшки от Рабиновича

Вадим Львович непредставим без его знаменитых анекдотов. А еще у него были МОшки (от французского МО – слово) . Впервые мы с В.Л. собрали и записали их в наиболее полном объеме при подготовке книги об имитафорах – он хотел разместить их на форзацах, здесь они, возможно, не все, но зато подобраны им самим:

Год великого перемола

Спецхран на крови

ПараНоев ковчег

Серебряный век Золотой орды

Светоч тьмы

Помощник Рабиновича по национальной безопасности (подарено М. Жванецкому)

Русскоязычный художник Левитан (заготовка для журнала «Наш современник»)

Ламбада просвещения

ГосТрах

Иномаркес

Лохов и Кидалов

Гуманист с человеческим лицом

Не все человеческое ему чуждо

Эпигонки за лидером

Товарищеский суд Линча

Выездная сессия Страшного Суда

Раввин Всея Руси

РПЦ – ЦК Всея Руси

СинаГоголь

Грог с музыкой
 Явление Христа народу
 С миру по Шнитке – голому Губайдулина
 Философский краугольный камень преткнове-
 ния у Христа за пазухой
 Парадокс – ужас здравого смысла
 Адвентисты Седьмого ноября
 Клипа вековая (к 100-летию кино)
 Кирпичмент по голове
 Стирание граней между голодом и деревней
 Призрак бродит по Европе – признак коммунизма
 Жириновский – санитар Думы
 Госдума приняла закон Всемирного тяготения
 во втором чтении с поправками
 Постмодернизм – массовая культура для элиты
 Завершим жизнь на три дня раньше срока (Из
 Первомайских призывов)
 Жопу нужно лизать с чувством... собственного
 достоинства (слоган к выборам в Российскую Ака-
 демию наук)
 Вперед... ногами! (лозунг на все времена)
 Шлилмазл
 Узи дружбы
 Растворил я акмэ
 Империя зла, полюбишь и козла
 Партия башлевигов
 Что отомрет раньше – государство или его на-
 селение?
 Сектор женской логики развития науки
 Чтобы соединить гласность и хозрасчет, нужно
 платить за молчание золотом
 Как мимолетное введение
 Сектор общественного подсознания
 Стол находок общечеловеческих ценностей
 Через термины к звездам

«...Послушайте! – Еще меня любите
 За то, что я умру».

Любимая цитата Вадима Рабиновича

«Каждый друг друга: полюбит-пожалеет хо-
 тя бы только за это. Но и этого одного доста-
 точно, если и впрямь случится любовь. Пусть
 даже любовь-жалость. Все ко всем. Круговая по-
 рука любви».

Вадим Рабинович

«Поэзии Вадима Рабиновича свойственна фи-
 лософичность. Но муза его не абстрактна. Ра-
 бинович нежно любит природу во всех её живых
 подробностях. Это детское ликование присуще
 только настоящим поэтам»

Илья Сельвинский

«Вадим Рабинович поэт природный... Есть в
 ней и свой особенный взгляд на мир и свой звук,

тон, склад, не бытосозерцание, а мироощущение.
 Есть неподдельная бодрость в слове, утвержда-
 ющем смысл жизни. Есть многообразие цвета,
 воздух и свет, паузы и слитное живое движение
 стиха. Есть чувственная сила восприятия и
 внушения и моральный закон личности. Способ-
 ность проникновения в эпохи подкреплена суще-
 ственным историческим знанием. Замыслы луч-
 ших стихов... взвешены на весах совести».

Александр Межиров

«Без таких людей как Вадим Рабинович непред-
 ставимо существование и поэзии, и науки, да и
 жизни как таковой. Когда он пишет «Не отни-
 майте её у меня. Всех умоляю!», это больше чем
 просто о женщине, – это сразу обо всей жизни,
 которую он обожает и в которой он любит мно-
 жество своих профессий, и полупрофессий, и чет-
 верть профессий. Но лучше быть много-руким
 Шивой, влюблённым во всё, что обнимаешь или
 пытаешься обнять, чем холодным профессио-
 ном-обнимателем, влюбленным в собственные
 холёные искушённые руки больше, чем в то, что
 обнимаешь. Слишком много вокруг рыбежковых
 людей. Люблю теплокровных».

Евгений Евтушенко.

Поэзия Вадима Львовича была еще и провид-
 ческой, в преддверии и перспективе неизбежного.
 Поразительно, насколько по-другому читаются
 его стихи после 18 сентября 2013 года...

Русские титры к грузинскому фильму «Не горюй»

Ах, эти праздничные лица

Там, за калиткою резной.

Звенит бубенчик, золотится –

Навек прощается со мной.

«Отмаялся», – плывет улыбка.

«Отгоревал», – ведет баян.

«Отмучился», – лепечет скрипка.

«Отпал», – хохочет барабан.

Ах, как там веселы и пьяны!

Эстрадно-траурный оркестр –

Бубенчик, скрипка, два баяна –

Обуревают все окрест.

Ах, веселитесь!

Иль не рады?

Припомнить следует потом

Красивые мои рулады,

Высокие мои тирады

И все мои Об Стенку Лбом:

Бим-бам, бим-бом.

Бим-бам...

Впустую.

Вхолостую.

На вечный отнесут покой

В тяжело-черную,

Сырую –

Под бело-розовой плитой.
 Не голосили, не стонали.
 Лишь астры весело взлетали,
 Как мотыльки на свет идут.
 Родился —
 Реквием сыграли.
 А умер —
 Песенки поют.

Если...
 «Если умру я, если исчезну...»
Илья Сельвинский

Не надобно вашего нижнего неба,
 Не нужен мне также ваш верхний овраг.
 Во мне мое солнце, хотя и от Феба,
 И мрак Преисподней — мой собственный мрак.

А верхний овраг пусть глядит в свою бездну,
 А небо внизу пусть темнеет внизу.
 Но если умру я и если исчезну,
 Ничтожность свою я с собой унесу.

Никто никогда ничего не узнает,
 Что некто когда-то здесь дни свои жил,
 Кого-то любил он и чем-то был занят,
 Из слов матерьяльное, кажется, шил.

И только два — три городских сумасшедших
 Начнут приносить городские цветы
 И думать о нас, в никуда перешедших,
 У клена ли здесь или там у ветлы.

Придут и воскличут в зияние неба,
 От мира сего прорываясь вовне,
 Вина отхлебнут и отломают от хлеба...
 Это ко мне! Это ко мне...

Посередине
 Достаточно отсчитать восемнадцать шагов —
 Через дорогу, —
 Как вы попадаете
 Из девятнадцатого роддома
 На Немецкое кладбище —
 С тыльной его стороны.
 Из молочного праздника жизни —
 В обитель смертей,
 Лишенную цветовых примет,
 Звуковых атрибуций,
 Определенностей некогда солнечных лиц,
 Проступивших когда-то на свет
 Из молочного, с розовыми прожилками,
 марева
 И тут же упрятанных
 В иньевые накрахмаленные коконы,

И вскоре торжественно вынесенные
 Из дома напротив —
 С парадной его стороны.
 Дверь в дверь.
 Озерные очи дитяти —
 В пустые глазницы смерти.

И... восемнадцать шагов —
 Масштаб, измеряющий целую жизнь,
 Которую можно с легкостью выдыха взять
 и пресечь:
 Машиной из-за поворота,
 Сосулькой с козырька того же роддома,
 Затылком об лед, когда скользко,
 Тромбом в венечный сосуд
 Или еще каким-нибудь способом,
 Неизвестным тому, кто однажды умрет.
 Короче: рукою подать от и до.
 Два раза по девять шагов —
 Пустое тире —
 Меж датой рожденья и датой смерти.
 Очи — в глазницы.

Первые —
 Видят.
 Вторые —
 Зияют.
 Сиянье —
 В зиянье...
 Пустынная сутемь смерти —
 Беломолочное марево новорожденья
 (Через тире).
 Рукою подать.
 И руки навстречь.
 Себя же —
 Молочного и мясного —
 В свои же —
 Сухие и костяные объяття.
 Но все, что сказал, —
 Всего лишь банальность,
 Сказавшаяся, быть может, иными словами —
 На этой странице, вот здесь.
 Вглубь углубляюсь...
 Старец глубокий с клюкою
 В жаркой сиюминутной тоске
 Живо вспоминает
 Юную курсистку
 С дагерротипной дореволюционной косою,
 Втиснутую в мрамор,
 Такой же молочный,
 С такими же розовыми прожилками,
 Цвета родильных палат.
 «Вот и все. Твоя мама», —
 Выбито в прошлую среду
 На могильной плите грудного младенца.
 А вот беломраморный склеп

Немца —
 Из позапрошлого века.
 Фиолетовый вран
 Скульптурно и правильно
 Ржавую с синим арку венчает.
 То ли чугунный тот ворон,
 А то ли живой?
 Но точно одно:
 На правое око
 Приспущено сизое веко.
 Око стеклянное,
 А слеза горячее горячего
 На горбинке желтого в трещинах клюва
 Живет —
 И стекленеть не желает.
 Что же до левого ока,
 То пусто и нету его.
 Лишь глазница —
 Темна и дурна,
 Как бойница.
 Но и она,
 Словно глаз настоящий, сверлит
 Мой любознательный взор.
 Так что же?
 И, стало быть, нету
 Даже пустого тире
 Меж рождением и смертью? —
 Смертная жизнь.
 Но и смерть —
 Живая, как жизнь:
 Не тире, а скорее — дефис.
 Двоящееся Одно...
 Стеклянные слезы
 Живых пронизательных глаз.
 Перо из металла —
 Теплое, птичье —
 С роговою и ломкою остью...
 Бросьте пугать чертовщиною плоской Эдгара!
 Давайте рожать, хоронить и цветы приносить
 В качестве памяти,
 В качестве первого дара
 Новорожденному,
 Коему жить и любить.
 Но быть и любить —
 С горчинкою смерти,
 Перчинку, как маковинку, вкусив.
 И с улыбкой разглядывать
 При солнечном свете
 Кладбищенского ворона,
 Вороненого
 В сине-фиолетовый отлив.
 Нет никакого тире.
 И никакой дороги.
 И восемнадцати шагов тоже нет.
 А есть глаза в глаза.

Розовые и прекрасные лошади
 Тянут похоронные дроги.
 И живет на остывшем лице покойника
 Черной плакальщицы
 Звонкая,
 Как колокольчик,
 Слеза.
 Вот и все по поводу жизни и смерти.
 Простите меня,
 Если не все сказал или не все успел.
 Приходите на мои похороны
 В розовых ситцевых платях
 При голубом подсвете.
 И каждая пусть будет с цветочком
 И скажет:
 Отшелестел,
 Отговорил,
 Отгоревал,
 Отпел.

Последний глагол
Евгению Михайловичу Богату

От первого лица во времени прошедшем
 Непредставим глагол — единственный причем.
 «Я умер», --
 Так сказать дано лишь сумасшедшим,
 Что любят прихвастнуть намного раньше, чем
 Свершить глаголом сим означенное дело.
 А тут иное все.
 Вкруг пальца смерть обвел.
 Отпело.
 Отжило.
 Отбыло.
 Отболело.
 Отпеть.
 Отжить.
 Отбыть.
 Но не сказать глагол.

А вот куда жил, то пребывал я между
 Деянием и тем, что им я называл.
 Любил и целовал.
 Но к строкам писем нежных
Целую и люблю —
 Всегда я прибавлял.
 Я умер, не назвав того, что сам исполнил.
 Как птица, как душа, как выдох или вздох,
 Как песенка, как рог,
 Что до краев наполнен
 Маджари золотым.
 Или как дай вам бог.

Но, прежде чем уйти в чистейшее деянье,
 Все имена-дела в регистр последний свел.

И перецеловал все вещи мироздания.
И лишь тогда отбыл в несказанный глагол.

*Ах, братец Одуванчик,
Сестрица Резеда
и ты, свистун Тушканчик,
Что скажете тогда?
Вадим Рабинович*

История с «оптимизацией» института культурологии подкосила Вадима Львовича. Это при том, что в глаза ему никто из современного РИКовского начальства не осмеливался ничего сказать. История с письмом Рабиновича, которое он написал и публично зачитал на последнем ученом совете, когда коллектив прощался с К.Э. Разлоговым, выражая ему признательность бурными аплодисментами, видимо, поставила точку. Часть подписантов этого письма ушла сразу, оставшихся стали преследовать в институте и довели до добровольного увольнения. Вадим Львович ушел в отпуск и тяжело заболел. Еще хуже стало в августе, когда ему решили «ответить» в виде публикации в «Комсомольской правде», но не лично – лично с Вадимом Львовичем в публичном пространстве сталкиваться побоялись. Он принял окончательное решение уходить из РИКа, договорившись о переходе в Институт философии РАН, 23.09.2013 собирался подавать заявление об уходе после отпуска. Не успел. Вадим Львович часто повторял одну шутку: «Черта надо показывать в шерсти». Что ж, последуем его совету:

«Краеугольным камнем этой оптимизации остается вопрос практического смысла исследований НИИ. Да, академическая наука должна существовать. Но добросовестно прочитав много статей, написанных в институтах культуры, мое воображение было потрясено. Например, философским трактатом «Алхимия» с вводной частью «Трансмутация образа зайца» (в книге – «Трансмутация зайца» -- А.Р.) и послесловием «Рабинович и Бог»... Увы, это за гранью понимания даже того, кто в состоянии написать слово «искусствознание» без ошибок. Но вдруг без этих

премудрых произведений случится окончательная культурная катастрофа?»

(Балуева Анна. Реформа НИИ: ученых меньше, культуры больше? // Комсомольская правда. 2 Августа 2013, 01:00).

Полагаю, процесс «оптимизации» культуры проходит успешно – авторы «премудрых произведений» без особых сложностей уходят в мир иной. И никакой культурной катастрофы...

В.Л. Рабинович очень любил текст «Рабинович и Бог», написанный к его 75-летию юбилею Абдусаламом Гусейновым:

«Рабинович не себя помещает в мир, а мир вмещает себя – именно это позволяет рассматривать его в перспективе Бога. Люди и вещи организуются и маркируются им исключительно в зависимости от того, насколько они благосклонны к нему. Место, о котором он споткнулся, является для него плохим местом. Человек, который к нему плохо относится, является плохим человеком. Именно здесь, в последнем пункте, который касается хорошего и плохого в людях, и обнаруживается человеческая слабость Рабиновича. Все, кто общались с Рабиновичем чуть больше часа, знают, что у него был плохой начальник, который хотел выгнать его с работы и которого он поносит словами, которые могли бы быть оправданы только в том случае, если бы этот начальник ничего другого не хотел, кроме как выгнать с работы Рабиновича. Несколько лет назад в обзорной статье, рассказывающей о людях, усилиями которых в нашей стране складывалось одно из научных направлений и среди которых несомненно должен был быть бывший постоянно им поносимый начальник, Рабинович не увидел его имени. Здесь бы Рабиновичу только возликовать. А он возмутился, усмотрел здесь несправедливость и, будучи человеком деятельным, написал об этом. Человеческая слабость Рабиновича состояла не в том, что он так поступил. Она состояла в том, что он мне сам рассказал о том, что он так поступил».

Список литературы:

1. Рабинович В.Л. Человек в культуре. Введение в метафорическую антропологию. М., 2008.
2. Рабинович В.Л. Алхимия. М., 2012.
3. Имитаторы Рабиновича, или Небесный закройщик. М., 2010.

References (transliteration):

1. Rabinovich V.L. Chelovek v kul'ture. Vvedenie v metaforicheskiju antropologiju. M., 2008.
2. Rabinovich V.L. Alhimija. M., 2012.
3. Imitafory Rabinovicha, ili Nebesnyj zakrojshhik. M., 2010.